

В. С. ТОЛСТОЙ. ВОСПОМИНАНИЯ

В 1823-м году я поступил весною юнкером в Екатеринославской кирасирской полк, расположенной в Орле.

Этот полк скоро предназначался идти на военные поселения; это учреждение было всем ненавистно, поэтому в 1824 году решено было, что меня переведут в 5 пехотный корпус, расположенной в Москве, под начальством проникнутого истинными русским^{<и>} честью и благородством графа Петра Александровича Толстого¹.

Предполагая оставить Орел, я воспользовался поездкою моего эскадронного командира на Коренную ярмарку² для покупки лошадей, чтобы съездить и посмотреть эту знаменитую ярмарку.

На ярмарке между московскими знакомыми я застал кавалергардских ремонтеров Анненкова и Васильчикова и с ними до того сблизился, что был с ними неразлучен³.

На этой ярмарке Анненков увез из магазина Дюлу ту самую француженку, на которой он впоследствии обвенчался в Чите.

Она была красавица, умная и во всех отношениях образцовая женщина, парижанка, выдана была замуж за какого-то генерала изверга; несколько лет она выстрадала мученичество со своим мужем; наконец стало невмоготу, и, воспользовавшись, что содержатель московского дамского модного магазина Дюлу набирал шитниц в Париже, нанялась в модистки и с ним отправилась в Москву, откуда вскоре с хозяином поехала на Коренную ярмарку для открытия магазин[а] мод. Анненкову очень дорого стало сладить мировую сделку с жадным Дюлу⁴.

Анненков открыл мне существование Тайного общества, но, не имея права принимать членов, адресовал меня к адъютанту графа Витгенштейна князю Барятинскому⁵, проживавшему тогда в отпуску в Москве.

По возвращении в Орел я был переведен в Москву в Московской пехотной полк⁶, состоящий в 14 пехотной дивизии Кайсарова, жена-того на моей родственнице Варваре Ланской⁷.

В Москве я застал, что внучка князя Юрия Володимировича Долгорукова (ближнего родственника покойной моей матушки) Лидия Горчакова выходит замуж за графа Василия Бобринского⁸. Тут еще юнкером я познакомился с зainкою князем Барятинским, своим удальством, умом и веселостью любимец всего московского лучшего круга, и тут он меня принял в члены Тайного общества.

Весною 1825-го года я был произведен в офицеры в тот же Московской пехотной полк.

Родная моя бабка по матери княгиня Настасья Симоновна Долгорукая всегда на лето ездила в своё тульское имение село Богословское, а на зиму возвращалась в Москву и жила в одном доме с единственno оставшeюся у неё от многочисленных детей дочерью Марию Петровной Корсаковою; на эту зиму Корсаковы решились зимовать в Орле, поэтому и кн. Настасья Симоновна тоже предполагала там зимовать⁹.

Воспитанию своих детей покойная мать посвятилась всеполо, поэтому, естественно, мы преимущественно были близки к ее родным, поэтому в сентябре * я взял отпуск в Орел.

По приезде в этот город я не застал бабушку, которая еще не приезжала из Богословского, поэтому я на несколько дней отправился в недальную деревню Тагин гр. Григория Ивановича Чернышева, в чью третью dochь Елизавету Григорьевну (впоследствии замужем за Чертковым) я был страстно влюблен и надеялся жениться¹⁰. Чернышевы намеревались здесь перезимовать.

Летом ** 1824-го года встревожило всех членов Общества, что корнет кавалергардского полка сочлен Федор Вадковской был вдруг схвачен в Новой деревне и неизвестно куда отправлен, впоследствии оказалось, что он тем же чином переведен в Нежинской конно-егерский полк ***, расположенной в Курской губернии.

В бытность мою в Тагине вдруг приехал Федор Вадковской¹¹. Он был родной племянник гр. Г. И. Чернышева; расположенный верстах в пятидесяти с эскадроном, он отпросился на два дня¹². День провели в семействе, а на ночь я отправился в одну комнату с Вадковским, и всю ночь не смыкали глаз.

Историю своего перевода он мне передал следующим образом.

В кавалергардах служил граф Шереметев¹³, у кого постоянно собиралось на обед много однополчан, и зимою Вадковской очень сблизился с ним.

Тогда Шереметев был нареченный жених дочери Марии Антоновны Нарышкиной и, как говорили, императора Александра I¹⁴.

* Зачеркнуто: «ок[тябре]».

** Зачеркнуто: «В начал[е]».

*** Первоначальный текст: «в Нежинской пехотной полк»; слово «пехотной» зачеркнуто, надписано карандашом рукой Толстого «драгунской», снова зачеркнуто и написано рядом «конно-егерской».

Но Мария Антоновна заметила, что Шереметев стал до того охладевать к невесте, что самый брак становился сомнителен.

Она открыла свои опасения, равно и императоровы, кавалергардскому офицеру графу Мантейфелю, добавив, что государь будет очень благодарен тому, кто раскроет причину охлаждения Шереметева.

Мантейфель втерся к Шереметеву и поймал несколько насмешек Вадковского, просившего * покровительства Шереметева, когда он удостоится быть побочным зятем императора, и сочинившего ** ему титул «Ваше побочное императорское высочество», на что Шереметев с досадой возражал, что всего этого никогда не будет. Мантейфель всё передавал Марии Антоновне¹⁵.

В то время Беранже был в большом ходу; Вадковской ему *** подражал то песнями буф, то песнями политическими, как-то:

«А где наш царь?
В манеже наш царь!»

и далее царя и великих князей ругали, глуились над ними ****, выставляли все их недостатки и пр., и поминалось, что для них есть штыки, и пр.

Эту песнь Шереметев хотел знать наизусть и никак не мог затвердить. Накануне выхода полка в Новую деревню, пред самым обедом Вадковской объявил Шереметеву, что он напишет эту песнь, чтобы он её затвердил, и пошел в кабинет Шереметева и, написав её, оставил на столе.

Сели обедать, Мантейфель был тут. На другой день выступил, и Шереметев спросил у Вадковского, где же песня, которую он написал, что он её не нашел. Так дело и кончилось¹⁶.

В Новой деревне полковой командир граф Апраксин¹⁷ призвал Вадковского и сдал его фельдъегарю, который его отвез в Главной гвардейской штаб, где был собран главный генералитет. Тут показали Вадковскому его рукою написанную песнь и добивались, кто её сочинил, кто его однomyслениники и пр. Вадковской отвечал, что он её и сочинил и написал, подшивши, что никого сообщников не имеет, а сам подражает Беранже; и в доказательство стал им петь шутовские песни вроде:

Если хочешь быть счастлив,
Ешь более чернослив».

Гордый генералитет расхохотался и разошелся, оставя Вадковского арестованного; чрез несколько часов приехал фельдъегарь и по-тартали¹⁸ его в Курск в Нежинской конно-егерской полк.

* В подлиннике «прося».

** В подлиннике: «сочинивший».

*** В подлиннике: «его».

**** Далее зачеркнуто: «и их поносили?».

Мантейфель скверно кончил. Оказали ему много милостей, и, наконец, полковником флигель-адъютантом императора Николая он очутился с поручением в Риге.

Здесь, на бале в Мусе¹⁹, в мазурке он пристал к танцующему некто Балакиреву *, которого он уверял, что прямой потомок шута Петра Великого, и стал просить показать какую-нибудь дедовскую штуку²⁰. Балакирев долго увещевал его отстать, но наконец, выведенной из терпения, он с ним вышел на середину мазурки и дал Мантейфелю пощечину. В Петербурге Мантейфеля никто, даже император Николай, не хотел видеть, и наконец за нахальную его настойчивость в передней графа А. Х. Бенкендорфа швейцар его вытолкал из передней. После неизвестно куда этот граф Мантейфель сгинул.

В то время Вадковской был очень озабочен составлением донесения, как он выражался, управе тайного правительства (*Gouvernement occulte*) под председательством Пестеля; он имел случай отправить эти бумаги через ремонтера Поселенного уланского полка вольноопределяющегося Шервуда, которого в Курске на Коренной ярмарке он принял в члены Общества²¹. На мое замечание, что не опасно ли принимать такого человека **, к тому же, по фамилии судя, иностранца, Вадковской возразил мне, что Шервуд совершенно в его руках, рассказав ему, как во время греческого восстания корфиот граф Булгари (дядя попавшегося в истории тайных обществ), в Херсонской губернии занимавшийся овцеводством, навел на себя подозрение нашего правительства в связях и сношениях с греческим тайным обществом «Гетерия» ***. Тогда министр иностранных дел гра[ф] Нессельроде отыскал его, Шервуда, и чрез знакомых Булгари отправил его, Шервуда, с рекомендацией как отличного, специального овцевода, поручив ему вкрасться в доверие графа Булгари и обо всем подробно доносить указанным правительственным лицам²². Причем Вадковской заметил, что очень важно иметь членами ремонтёров, которые всюду разъезжают, не наводя на себя никакого подозрения.

Вадковской отправил свои депеши, в которых он упоминал о встрече со мною и о моих **** взглядах на ход дел Общества в Москве. Шервуд доставил эти депеши, только не Пестелю, а, кажется, Дибичу, находившемуся с императором Александром I в Таганроге²³. Вот почему еще в междуцарствие петербургской военный генерал-губернатор гра[ф] Милорадович требовал моего ареста и доставления в Петербург, но корпусный мой командир гр. П. А. Толстой отвечал, что это, должно быть, ошибка, потому что у него

* В подлиннике: «Балакеров», «Балакерев».

** Первоначальный зачеркнутый текст: «таких людей».

*** В подлиннике: «Геметерия». Написано взамен зачеркнутого: «Этера».

**** Зачеркнуто: «наши[х]».

в корпусе один только Толстой, очень молодой человек, не наводящий на себя никакого подозрения, и что во всяком случае он дождается высочайшего повеления, чтобы его арестовать²⁴. Последствие этого отзыва было, что я был взят жандармским офицером Чегловым, прибывшим с двумя жандармами из Главной квартиры 1-й армии, расположенной в Могилеве, в которой состоял наш корпус, по предписанию главнокомандующего графа Сакена²⁵ моему полковому командиру Григорию Ивановичу Яфимовичу, страшно перепугавшемуся, как прежде принадлежавшему обществу Зеленой Книги, как вообще называли общество «Союз Спасения», переименованный в «Союз Благоденствия»²⁶.

Впоследствии, в 1840-м году, в Смоленске от губернатора Нefедьева²⁷ я узнал следующие подробности об Шервуде.

Шервуд — шотлан[д]ец, был наставником в каком-то семействе — забыл фамилию, — живущем в своем поместье недалеко от Смоленска; действительно он был в начале двадцатых годов вызван в Петербург; после нескольких лет он вернулся из Крыма в семейство, где был наставником. Когда случилась история Вадковского, Шервуда, по наставлению Нессельроде, потребовал Аракчеев и поручил ему выпытать все тайны у Вадковского; по составленному ими обоими плану Шервуд отправился с собственноручным письмом Аракчеева к графу Витту, который в свой корпус определил Шервуда вольноопределяющимся унтер-офицером, снабдил его деньгами и отправил его под видом ремонтера шпионом над Вадковским²⁸.

Когда Шервуд так удачно исполнил взятое на себя дело сыщика, император Николай придал к его фамилии прилагательное, и он стал Шервуд-Верный (но как не пояснено, чему он верен, быв сам иностранцем, деньгам или шпионству, то в обществе переинчили Верной на Скверной), дал ему несколько гвардейских чинов и назначил своим флигель-адъютантом*. Тут Шервуд приехал в Смоленск и женился на одной из дочерей помещика, у которого прежде жил наставником детей²⁹.

Впоследствии Шервуд был старшим адъютантом Гвардейского корпуса, но тут все проделанные им скверости, в том числе промысел нахально брать отступные при продаже имений с публичных торгов, обратили внимание командира Гвардейского корпуса в. к. Михаила Павловича, и Шервуд-Верный был выключен из службы и сослан на безвыездное жительство в город Смоленск под строгим полицейским надзором.

В Смоленске Шервуд-Верный жил очень скромно и тихо, так что Нефедьев взял на себя дозволить ему переехать в имение жены его. Вдруг прискакал из Петербурга жандарм с предписанием шефа жандармов сдать этому посланному Шервуда-Верного. Скорее от жандармов сдать этому посланному Шервуда-Верного. Слухи привели взять его в деревне и сдали посланному жандарму. Слухи

* Следует зачеркнутый текст: «Потом Шервуд был старшим адъютантом Гвардейского корпуса, где он стал нагло делать».

были, что это воспоследовало вследствие какого-то пасквильного доноса, сделанного Шервудом на министра финансов.

Когда Нефедьев мне это рассказывал, ничего не известно было о Шервуде-Верном, кроме того, что по временам губернатор получал письмы для передачи жене его, которых пакеты были за печатью шлиссельбургского * коменданта ³⁰.

Слышно было, что в нынешнее царствование Шервуд-Верный был переведен на жительство в Тамбов, где он будто помер в самом заброшенном, презренном бедственном положении.

Жаль, что не знаю, оставил ли он мужеского наследника, чтобы передать потомству фамилию, столь нелепо возвышенную императором Николаем I.

Шервуда был самый главной донос.

Второй донос Майбороды описан Розеном в Истории декабристов.

Третий донос был Генерального штаба полковника Бошняка, состоящего при графе Витте. Догадываются, что Бошняк пронюхал, узнал или догадался сыск Шервуда и, желая выслужиться, опередив сего последнего, сделал донос, представленной графом Виттом графу Аракчееву в бытность императора Александра I в Таганроге ³¹.

Неизвестно, какие были сношения между обоими графами по этому делу, но видно, что этот донос не был принят Аракчеевым, как доносчик надеялся и желал, потому что Бошняк отравился так глупо и безыскусно, что у него язык до того вдруг распух, что его задушило.

Владимир Толстой.